



КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ВЕСТИНИК

Газета для тех, кто любит наш край и хочет знать его историю
Приложение к газете «Вперед», №6 (44), июль 1998 года

• Редкие снимки

В архиве Музея музыкальной культуры имени Глинки хранятся редкие любительские снимки события 100-летней давности: свадьбы великого русского певца Федора Ивановича Шаляпина с балериной Русской частной оперы И. Торнаги.

В июне-августе 1898 года Шаляпин живет недалеко от Сергиева Посада, в имении Т. С. Любатович Путятино. Под руководством С. В. Рахманинова разучивает партию Бориса Годунова в одноименной опере Мусоргского. И принимает решение о женитьбе.

Свадьба состоялась 27 июля 1898 года.

НА СВАДЬБЕ БЫЛО МНОГО ПОЛЕВЫХ ЦВЕТОВ

Из воспоминаний Федора Ивановича Шаляпина.

Летом 98-го года, живя у Любатович на даче, я обвенчался с балериной Торнаги в маленькой сельской церковке. После свадьбы мы устроили смешной, какой-то турецкий пир: сидели на полу, на коврах и озорничали, как малые ребята. Не было ничего, что считается обязательным на свадьбах: ни богато-украшенного стола с разнообразными яствами, ни красноречивых тостов, но было много полевых цветов и немало вина.

Попуту, часов в шесть, у окна моей комнаты разразился адский шум: толпа друзей с С. И. Мамонтовым во главе исполняла концерт на печных вьюшках, железных заслонах, на ведрах и каких-то пронзительных свистульках. Это немощно напомнило мне Суконную слободу.

— Какого черта вы дрыхнете? — кричал Мамонтов. — В деревню приезжают не для того, чтобы спать. Вставайте, идем в лес за грибами.

И снова колотили в заслоны, свистели, орали. А дирижировал этим кавардаком С. В. Рахманинов.



Выход невесты.

Во Владимирском областном архиве ЗАГСа хранится метрическая книга церкви с. Гагино. Запись в графе о женихе: «Вятской губернии и уезда Вожгальской волости деревни Сырцевой крестьянин Федор Иоанов Шаляпин, православного вероисповедания, первым браком. Лета жениха — 25». В графе о невесте: «Итальянская подданная Иола Игнатъевна Лопрести (Торнаги — ред.), католического вероисповедания, первым браком. Лета невесты — 25».



За свадебным столом (справа С. Рахманинов).



На следующий день после свадьбы.

Краеведческий календарь

1998 год. Июль

1 июля — 40 лет назад, 1 июля 1958 года, о. Александр Мень (1935 — 1990) был рукоположен в сан дьякона, началось его служение Церкви. Отец Александр жил с семьей в Семхозе, 9 сентября 1990 года был убит по дороге к храму в Новой деревне, где служил настоятелем.

2 июля — 130 лет назад, 2 июля 1868 года, митрополит Московский настоятель Троице-Сергиевой Лавры Иннокентий освятил начало работ по строительству железной дороги между ст. «Сергиев» и Ярославлем.

18 июля — Сергиев День. Обретение мощей Преподобного Сергия Радонежского.

21 июля — 95 лет художнику Николаю Александровичу Соколову (один из Кукрытников). Живет на даче в Абрамцево.



Кукрытники (слева направо) М. В. Куприянов, П. Н. Крылов, Н. А. Соколов

23 июля — 80 лет городской газете «Вперед». 23 июля 1918 года вышел первый номер городской газеты, которая называлась тогда «Трудовая неделя».

27 июля — 100 лет назад, 27 июля 1898 года, в церкви села Гагино Владимирской губернии Александровского уезда (ныне село Гагино входит в состав Сергиево-Посадского района) состоялось венчание Ф. И. Шаляпина с И. Торнаги, прима-балериной Частной русской оперы С. И. Мамонтова.

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ



Евгений Александрович Конев — член краеведческого клуба «Хронос» с первого дня его создания. На наших «четвергах» в Красной гостиной библиотеки им. А. Горловского он больше слушает, чем говорит. Когда же спор (а они нередко возникают на встречах) заходит в тупик, участники встречи обращают свои взоры к нему. Евгений Александрович выдерживает паузу, ждет, когда все успокоится, и своим негромким мелодичным

голосом вступает в разговор, расставляя все точки над i.

Этому человеку можно позавидовать, потому что он всегда пребывает в состоянии влюбленности: влюбленности в наш край, в людей, которые его окружают, в дело (краеведение), которому отдает все свое свободное время. Он много знает, может рассказать почти про каждую улицу, дом, про людей, живущих в нашем городе.

Иногда Евгений Александрович приносит на занятия свою заветную папку, в которой хранит записи о том, каким был наш Посад каких-нибудь 100, 80, 60, 50 лет назад.

17 июня нашему глубокоуважаемому коллеге исполнилось 80 лет. Поздравляем его с юбилеем и желаем здоровья, долгих лет жизни и всех благ!

Краеведческую повесть «Как Саша Волков в Посаде домишко покупал» наш юбиляр дарит сегодня своим землякам. Читайте ее на 4-й странице газеты.

Л. ГИРЛИНА,
председатель клуба «Хронос».

НОВЫЙ АДРЕС

краеведческого отдела
Историко-художественного
музея-заповедника:

Овражный
переулок, 9а
(напротив
трикотажной фабрики).

Телефон: 4-44-28

Удар станционного колокола в Хотьково пробудил Сашу от сладкой дремы, то и дело овладевавшей им после того как, простившись в Огудневе со своей строгой хозяйкой — уважаемой сельской учительницей, он слегка перекусил в Мытищах до прихода из Москвы поезда, не преминув, добавим по секрету, на радостях обретения свободы пропустить малую толику водки. Что касается «чугунки» к Троице, то показалась она ему всего-навсего одной из бесконечных лесных дорог, по которым он уже достаточно на своем веку ездил и коротал которые, частенько доверяя себя лошадке, легко засыпая в удобном положении и охотно добавляя сна к особенно коротким в летнее время ночам.

В вагон третьего класса, где расположился Саша в стороне от случайных попутчиков, после второго удара колокола поднялись несколько запылавшихся монахинь из Хотьковского монастыря; те, что постарше, степенно рассаживались на свободных местах, а те, что помоложе, остались стоять в проходе, иногда тихо перешептывались и украдкой чему-то улыбались.

После третьего удара колокола, свистка кондуктора и гудка паровоза поезд медленно тронулся, лязгая буферами на сцепках, и вскоре поплыл по стенам вагона и лицам пассажиров тени от деревьев и кустов, окружавших плотной стеной железнодорожное полотно от Хотьково и почти до самого Сергиева Посада.

Опять Сашу клонило ко сну, и только когда, с трудом перевалив подъем у блок-поста, паровоз начал слегка притормаживать, отчего клубы пара стали застилать окна, Саша окончательно проснулся и стал собираться в дорогу.

За будкой путеобходчика деревья начали редеть, и вскоре из окна можно было заметить сверкающие на горизонте купола благословенной Троицы...

Саша уже не отрывал глаз от окна, за которым проплыл шлагбаум с шарахающимися от поезда лошадками, запряженными в крестьянские телеги. Показались первые домики, не отличавшиеся от деревенских, и только когда заскрежетали тормоза, Саша увидел за окном аллею из высоких тополей, подобно веренице верующих, шествующих к Троице вдоль железной дороги, а за ними — обшитые тесом разноцветные домики с железными крышами, утопающие в зелени и украшенные деревянными кружевами, почти безлюдные, прямые улицы.

Как по команде перекрестясь, монахини направились к выходу, а за ними и остальные пассажиры, большинство которых составляли крестьяне и незнатного сословия богомольцы, чьи доходы и внешний вид не позволяли «шиковать» проездом в вагонах первого и второго классов, окрашенных для престижа в яркие синие и желтые цвета.

На станции «Сергиево» отцепленный паровоз, дымя высокой трубой, начал маневрировать к поворотному кругу, а толпа пассажиров, неспешно проследовав по гулкой платформе и обогнув деревянное строение вокзала с прилегающей к нему березовой рощицей, разбрелась по тихим улицам, в то время как на вокзальной площади, куда направился Саша, перед Староверской церковью плотно стояли пролетки и крестьянские подводы, слышался говор толпы, возгласы извозчиков, приглашавших в экипажи, карканье ворон в кронах вековых тополей и меланхоличный перезвон уже недалеких лаврских часовых колоколов, каждую четверть часа проигрывающих свою переливчатую мелодию.

Не имея определенного плана покупки дома, Саша покрутился по площади и после разговора с ожидающими седоков извозчиками, решил двинуться в город по Репной улице, рассчитывая



Евгений КОНЕВ

КАК САША ВОЛКОВ в Посаде домишко покупал

Краеведческая повесть о том, каким был Сергиев Посад в начале века

зайти в ближайший трактир и там начать распросы на интересовавшую его тему.

Ступив на улицу и увидев в конце ее поля, окружающие великий по размеру Посад, он почувствовал, как ноющая боль сжала его крестьянское сердце, словно ощутило оно недоброе в замышлявшихся житейских переменах...

С грустными мыслями пересекая Вознесенскую улицу, заметил Саша на перекрестке с Московской колоритную фигуру городского, и непонятная робость овладела им. Городовой был пузаст, задал, одет в сине-красную форму, на голове — шапка, во всю шапку — двуглавый орел со скипетром и державой в когтях; справа висела кобура с огромным револьвером, шнур от которого в виде петли обвивал шею, а слева висела сабля, едва не касающаяся земли...

Особое впечатление было от того, что городовой носил усы, как у царствующего императора и, как показалось Саше, очень внимательно оглядел его. Поэтому, уже не пожелав переходить улицу к приглянувшемуся ему кирпичному трактиру, Саша приблизился к стоящему на углу ближайшему деревянному и быстро поднялся по скрипучим ступеням, с явным облегчением закрывая за собою дверь.

Посетителей было немного. Помня наказ «не трогать попусту» и не желая быть нетрезвым в предполагаемых разговорах, Саша в желаниях своих ограничился на этот раз шкаликом водки и фунтом рубца, который половой мгновенно доставил к его столу. Рядом заканчивал трапезу неказистый с виду, но словоохотливый мужичок, оказавшийся пономарем Никольского храма. От него, всезнающего, благодаря постоянному общению с прихожанками, поющими на клиросе, Саша узнал, что старинный кирпичный дом наискось от трактира принадлежал купцу первой гильдии Кохтеву, богатейшему торговцу Сергиева Посада, что почти весь двухэтажный дом занимали его сыновья с семьями, а верховодил всем старик Кохтев, уже выживающий из ума, но своим авторитетом вполне обеспечивающий мир и порядок в семейном доме. Но самое главное, в чем по мнению Саши проявилась Божья воля, он узнал от пономаря, что на Болотной улице продается домик, который вполне его мог устроить, так как

продавался «по нужде» и «за выездом», чего Саша не хотел упустить. Поэтому, не мешкая особенно, он расплатился с половым, сердечно попрощался с новым знакомым и направился на соседнюю с Репной Болотную улицу, стремясь скорее увидеть то, что могло стать его новым семейным кровом.

Надо сказать, что домик Саше как-то сразу понравился. Небольшой и несколько запущенный, он в то же время ничем прочим почти не отличался от соседних и имел позади себя сад, тоже небольшой, но окруженный высокими тополями и березами.

Огорчило Сашу то обстоятельство, что, сколько он ни стучал в парадное и окна, сначала робко, а затем более настойчиво, сколько ни дергал ручку звонка, ему никто не ответил. Это заставило его подойти к соседнему дому, принадлежавшему, как следовало из прикрепленной к двери табличке, Сухоцим, и потянуть ручку звонка.

Дверь открыла болезненного вида, но приветливая женщина, которая сообщила, что хозяйка только наезжают в интересующий Сашу дом, а не живут в нем постоянно, и точно сказать, когда они будут дома, никто не может.

Расстроенный первой «осечкой», Саша зашагал по выложенному елочкой кирпичу тротуара на Московскую улицу и — почти машинально — по ней к Лавре. Чем больше он думал, тем яснее росло в нем желание не предпринимать других поисков, пока не переговорит он с хозяевами приглянувшегося ему домика, а для этого, решил он, как было условлено с дражайшей его половиной, остаться в Посаде хотя бы на те три дня, которые без всяких обязательств предоставила Лавра всем неимущим богомольцам в своем странноприимном доме.

Оставив позади себя острог, городскую управу, Вознесенскую церковь, Саша невольно приостановился на склоне горы, с которой открывался великолепный вид на Лавру...

Пестрая в своих строениях и краске их стен, она удивительно стройно возносила из облепивших ее пристроек золотые купола к небу, а над ними, как воплотившиеся в птиц молитвы, взмывали все выше и выше и ... опускались вниз бесчисленные стаи галок, ворон и грачей...

День был базарный, поэтому с восточной стороны Лавры бурно кипела жизнь: крестьяне смешивались с посадским людом, нищими и богомольцами; среди толпы сновали собаки и кошки, семенили сафьяновыми ножками голуби и во всю чирикали на навозной подстилке вездесущие воробы.

Базар начался от Келарского пруда, где приезжие торговали древесным углем в ярких рогожных мешках, стояли возы с дровами и сеном, за ними рядами — возы с яблоками и картошкой, овсом, пшеницей и другими продуктами сельского хозяйства и рыбного промысла, гончарной посудой, кустарными товарами; на склоне горы сновали лотшники и барахольщики, а дальше — у аптеки — посадский люд торговал молоком, творогом, сливочным маслом, яйцами и птицей.

Интересовавший Сашу странноприимный дом находился между лаврской стеной и базарной площадью с почти неизменной для таких мест на Руси церковью Параскевы-Пятницы. Добротно сложенный из кирпича в конце прошлого века и опирающийся на сваи, он имел полуподвальный и два верхних этажа с коридорной системой палат, неизменно заполненных «странным людом», но при этом всегда готовый принять новых постояльцев. Кроме бесплатного ночлега на три дня, он предоставлял постояльцу и бесплатный обед из неизменных кислых щей со сметками, гречневой каши и всегда имеющегося в изобилии кваса с неограниченным количеством ржаного хлеба, а на ужин давалась только похлебка или жидкая каша.

Получив номер и уведомив дежурившего монаха о том, что отправляется к Преподобному, Саша вышел на Красногорскую площадь. У Параскевы-Пятницы несколько дворников в одеревеневших от грязи фартуках, то и дело поправляя засаленные картузы, сгребали и грузили на подводы остатки навоза, а на бульваре уже вяло вечерней прохладой, носился густой и острый аромат душистого табака и левкоев, ложились длинные тени и золотилось закатное небо. В лаврских гостиницах и в магазинах Красных, Белых и Нижних рядов то там, то здесь зажигался свет, проходили по-летнему оживленные пешеходы, легко неслись коляски, и от монастыря плыли ласкающие слух вечерние перезвоны башенных часов.

Проходя вдоль прилепившихся к лаврской стене лавок к Каличьей башне, через которую и совершалось по обычаю посещение Лавры богомольцами, Саша свернул от лавок букинистов в сторону площади, соблазнившись обилием вывесок и праздным безлюдьем теснивших друг друга магазинов... Перед лаврскими гостиницами он остановился, поняв, что не для него сияют огнями витрины, фирменной одеждой — продавцы и швейцары «Рейнского погребя» и других заведенных Кохтева и незачем идти ему на Переяславскую улицу, где начинался новый ряд торговых заведений.

Саша перешел площадь в направлении Уточьей башни и, миновав мрачные своды Каличьей, слабо освещенные несколькими лампами перед образами, пошел по тропе, ведущей к Троицкому храму, казавшемуся несколько приземистым в створе высокой колокольни и огромных куполов Успенского собора. Как и большинство паломников, включая царей, Саша прежде других переступил порог последней обители Преподобного и остановился... не столько от нарастающей тесноты, сколько от волшебного зрелища, открывшегося перед ним: за силуэтами прихожан гигантским костром горели бесчисленные свечи и лампы, а вмурованные в сплошную золотую пелену окладов иконостаса драгоценные камни переливались от пламени свечей разноцветными искрами; серебряная, почти вровень с иконостасом рака Преподобного утопала в цветах, и шевелились на ее рельефах тени от падающих ниц прихожан. Поток их все увеличивался, поэтому, как только Саша услышал «зазвон» к вечерне, он вежливо попятился к выходу и, снедаемый любопытством, оказался перед колокольней, когда девять звонарей трезвонили «во все колокола» по случаю прибытия в Лавру (счастливого для Саши) миссии какого-то восточного патриарха.

Пронизывал все тело Саши своими ударами «Царь» — один из величайших в мире действующих колоколов, весивший 4000 пудов и будто пригнувший к низу балки в первом пролете, отчего может быть, тон его был особенно густой, хотя Саша и слышал звон его, находясь в гостях за 18 верст от Сергиева Посада. Ему вторили, звучно и гармонично влетаясь в красивые ритмические узоры, «Годунов», «Карнаухий», «Лебедь», «Переспор», «Никоновский», «Четыре брата», «Три рожка» — все остальные тридцать с лишним колоколов из полусотни, подвешенных в четырех пролетах знаменитой звоничи.

С последним «перезвоном» Саша поспешил в Успенский собор, более просторный, но не менее Троицкого сверкающий золотом окладов и облачений духовенства. Особенно пленило Сашу пение лаврского хора, и, когда, словно слетевшие с неба ангелы, запели «Свете Тихий», слезы навернулись ему на глаза, и подкативший к горлу комок вынул его пройти по Лавре, прежде чем отправиться на покой.

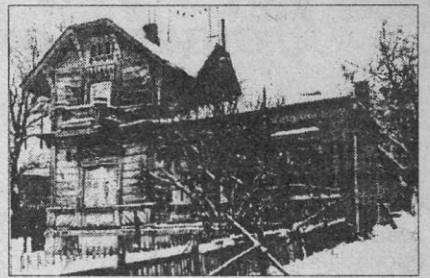
Трапезный храм в летнее время бездействовал, а расположенные около него столы, за которыми угощались прихожане хлебом и квасом, были пусты, их мыли и скребли ножами молодые послушники.

В широких проходах торпливо обходили богомольцев грузные монахи с саквояжами в руках, спешащие через Каличьей башню на Штатные улицы Посада к родным и знакомым. В окнах корпусов Духовной академии и келейных корпусах все чаще погасал свет... Подойдя к сени над крестом, из которого сочилась святая вода в чашу, дно которой было усыпано медяками и серебром, Саша опустил в воду пятиалтынный и отправился на уготованный ему ночлег.

(Продолжение следует.)

В апрельском номере «Краеведческого вестника» (газета «Вперед», № 37 от 4.04.98) были напечатаны воспоминания Сергея Петровича Раевского о семье Хвостовых, которая жила в одном из самых красивых и загадочных домов Сергиева Посада на нынешней

улице Шлякова. Несколько лет назад дом сгорел, и многие тайны его так и остались неразгаданными. Воспоминания С. П. Раевского, племянника хозяйки дома, в какой-то мере раскрывают часть из них. Читайте продолжение.



решили пока держать аренду (авось когда-нибудь вернут в собственность). Какими они были наивными.

В начале 1923 года произошло непрерывное падение курса бумажных денег, на которых имелась надпись: «обеспечены всем достоянием республик». Наш преподаватель политграмоты говорил, что «единица стоимости» в нашей стране теперь не «один рубль», а «пуд муки». Поэтому надпись фактически означает — ничем не обеспечены. И только после того, как рубль будет стабилизирован, мы сможем говорить о нем как о «единице стоимости».

Падение курса денег, исчисляющихся миллионами, а вскоре и миллиардами, создавало большие неудобства, так как цены на товары день ото дня возрастали, а доходы населения отставали от роста цен. Вскоре государством были пущены в обращение червонцы, обеспеченные золотом, представлявшие собой твердую валюту. С появлением червонцев прекратился произвольный рост цен. Многие люди считали более удобным хранить деньги в червонцах и при необходимости менять их на бумажные. Меняли прямо на рынке. Часто можно было слышать: «Кому червонец? Кому червонец?» И тут же объявлялся покупатель, обычно из торговцев.

Изобилие товаров в магазинах и на рынке создалось такое, что не было надобности ежедневно ходить за покупками. Скоропортящиеся продукты хранили в погребах. Ежедневно приходилось покупать только хлеб, но и эта проблема решалась поочередной коллективной покупкой с последующей отдачей долгов согласно курсу червонца. А когда в начале 1924 года появились серебряные рубли и мелочь, все проблемы с платежами решились сами собой.

В Сергиеве же был домашний пекарь, у которого можно было брать хлеб в кредит с расчетом два раза в месяц.

Я, по праву старшего в семье, принялся за выполнение разных хозяйственных дел, в первую очередь — за заготовку дров. Они продавались свободно на рынке. Помню цены за воз: сто и сто десять миллионов. Я старался покупать у одних и тех же продавцов-крестьян сразу по несколько возов, пока они не повышали цену. Для них такой порядок имел свой резон: вместо заезда на рынок, платы за место и поиска покупателя крестьянин прямоком приезжал с дровами к нам и тут же получал деньги.

Необходимо еще сказать о средствах существования многих людей. Моя мать получала небольшую пенсию за мужа, как погибшего на борьбу с эпидемией тифа. Пенсии этой не хватало для самого скромного существования. Мама вместе с Е. С. Хвостовой делала кокошники для кукол по заказу какой-то артели. Одно время они еще пекли сладкие лепешки, которые покупал у нас торговец, имевший ларек на рынке. Но такие заработки не могли обеспечить существования семьи. У нас и у Хвостовых оставались кое-какие ценности: столовое серебро и мелкие драгоценности. Время от времени Катя Хвостова ездила в Москву продавать что-нибудь из них. Жили мы более чем скромно. Белые булки покупали только по воскресеньям и в праздники.

После окончания школы бабушка С. П. Раевского нашла ему временную работу в геофизической партии на Курской магнитной аномалии, а затем он стал на некоторое время безработным. Это положение кончилось, когда его пригласил П. А. Флоренский в свою лабораторию материаловедения в Москве (см. «Краеведческий вестник» за декабрь 1996 г.). О дальнейшей судьбе семьи Раевских мы расскажем в следующем номере газеты.



Петр Иванович и Ольга Ивановна — родители Сергея Раевского.



С. П. Раевский — автор воспоминаний.

Но прежде о Раевских.

Фамилия Раевских знакома всякому русскому: героем войны 1812 года был Николай Николаевич Раевский, дочь его княгиня Мария Волконская, последовавшая за мужем-декабристом в Сибирь, описана Некрасовым в поэме «Русские женщины».

Род Раевских, известный с XV века, дал нашей стране немало военных и государственных деятелей. А в 1880 - 1890-х годах Иван Иванович Раевский — друг Льва Толстого, который кстати, долго жил в его доме, организовал помощь голодающим в центральной России.

Все трое сыновей И. И. Раевского получили высшее образование в области естественных наук. Средний сын Петр окончил медицинский факультет Московского университета и защитил докторскую диссертацию по специальности оперативная хирургия, работал врачом в Москве. Женился он на Ольге Ивановне Унковской.

В первую мировую войну он был мобилизован как врач в действующую армию. Работала на фронте в госпитале сестрой милосердия и его жена. После Октябрьской революции семья поселилась в Туле, куда еще в 1916 году был переведен для работы в госпитале Петр Иванович. Тогда по всей России свирепствовал тиф. Медики были мобилизованы на борьбу с эпидемией. П. И. Раевский работал на эпидемии, заведовал медпунктом, заразился тифом и скончался осенью 1920 года.

«Мы сразу стали ничем, — вспоминает его сын Сергей. — Из фондов медицинского пункта нам временно был выделен какой-то паек. Семья жила впроголодь. Иногда нас, детей, приглашали в гости, где подавалась в изобилии вкусная еда, которую мы успели забыть».

Сыновья Раевского получали домашнее образование. Их отдали в школу, открывшуюся в 12 км от села, где жила семья, только весной 1921 года. Сергею было тогда уже 14 лет. А в 1922 году на семейном совете решили покинуть деревню. Младшего — Андрея взяла замужняя дочь Раевских Екатерина, жившая в Туле, семнадцатилетнюю Елену — бабушка, которой власти оставили единственную комнату в ее бывшем собственном доме в одном из арбатских переулков. Ольга Ивановна Раевская с сыновьями Сергеем и Михаилом отправилась в Сергиев к своей сестре Анне Ивановне Хвостовой. Было это в конце октября 1922 года.

Т. СМЕРНОВА.

С. П. РАЕВСКИЙ

СЕМЬЯ РАЕВСКИХ в доме Хвостовых

Поезд подошел к станции Сергиево. Два ломовых извозчика со всей поклажей, включая нас самих, подъехали к кирпичной оградке красивого, дачного типа дома с мезонином. Массивные железные ворота открыла моя двоюродная сестра Екатерина Сергеевна Хвостова, ласково встретившая нас. Из дома вышло много народу, в основном, женщин и детей, которые принялись переносить легкие вещи в дом. Две женщины, совсем мне незнакомые, подошли к моей матери, приветствуя ее как родную.

В первый же день мы познакомились со всеми жителями дома Хвостовых. Их взаимоотношения были такими, что со стороны казалось, будто здесь обитает одна большая семья. Несмотря на тесноту, в прошлом непривычную для собравшихся здесь семей, никто не роптал на трудности.

Бытовая сторона жизни, во многом проходившей на кухне, регулировалась сама собой, как слаженный точный механизм. Сейчас такие взаимоотношения кажутся удивительными, а ведь в двадцатые и тридцатые годы они были обычной нормой поведения. Чем можно объяснить это? Скорее всего — культурой нашего общества, которая в последующие, особенно в послевоенные годы была в значительной степени утрачена.

В первые дни жизни в Сергиеве все было нам непривычно. Мы с братом, проводившие детство в деревне, за исключением двух лет жизни в Туле, чувствовали себя как-то скованно. Но удивительно уютный, чистенький, будто вымытый, городок с красавицей Лаврой очень скоро стал нам казаться близким, знакомым, родным. Множество церквей, соседних монастырей, колокольный звон, ежедневное хождение в церковь Рождества Христова (наш приход) создавали особый городской колорит, одухотворявший домашнюю обстановку.

Через несколько дней после приезда мама повела нас с братом в школу. Заведующий школой (бывшей Сергиево-Посадской мужской гимназией), оглядев нас, сразу отметил, что я для девятой группы не годюсь, в лучшем случае для восьмой. Такое заключение меня огорчило. Но

надо признаться, что заведующий был прав. Ученики восьмой группы Сергиевской школы оказались намного эрудированнее учеников той школы, в которой я учился. И учителя выглядели солидней. Несмотря на то, что прошло уже пять лет советской власти, обращение учителей к школьникам было как в прежних гимназиях: «господа». Только один преподаватель политграмотности и политэкономии Михаил Михайлович Селиванов, прозванный Миша в квадрате, обращался к ученикам «товарищи».

Кроме Селиванова было у нас еще девять преподавателей. Я их всех помню: Иван Федорович Богданов — заведующий и преподаватель математики; Сергей Александрович Волков — учитель литературы; Алексей Емельянович Захаров — истории; Петр Васильевич Нецаев — психологии; Александр Константинович Мишин — географии; Николай Викторович Шевалдышев вел естествознание; Гуго Янович Арьякас — физику; Александра Михайловна Радецкая — французский язык; Андрей Федорович Павловский — немецкий язык.

Каждый из преподавателей отличался индивидуальностью. Например, предельная строгость отличала И. Ф. Богданова и абсолютная демократичность вплоть до рукопожатия со школьниками — Н. В. Шевалдышева, нашего классного руководителя.

В 1924 год наша группа вступила с чувством волнения за будущую свою судьбу. В то время поступить в вуз можно было только по направлению рабфаков, а чтобы попасть на рабфак, надо было иметь рабоче-крестьянское происхождение и вдобавок проработать на производстве не менее года.

В начале 1924 года заведующий Уездным отделом народного образования Попов предложил провести в четырех школах города конкурс на лучший школьный кружок по литературе, физике, механике и спортивной. В нашей школе преподаватель С. А. Волков организовал творческий кружок, в который вошли талантливые ребята — писатели, поэты, художники.

Жюри под председательством Попова присудило ему первое место. Попов тут же принял решение выдать командировки в вуз двум ученикам: Гуревичу за стихотворение «Великий скиф» и Эмзоровичу за портрет Ленина. Получить такую командировку в то время было ценнее, чем выиграть тысячу червонцев. Решение относительно Гуревича всем представлялось бесспорным — он был самым одаренным в нашей группе. Что же касается Эмзоровича, то присужденная награда вызвала всеобщее возмущение: он был отнюдь не лучшим художником и к тому же учился посредственно.

Когда мне приходится рассказывать детям и внукам о жизни в двадцатые годы нашего века, я чувствую, что они не могут представить, что же это за загадочное пятилетие — 1923 - 1928 гг. Моя мать под старость редко вспоминала о прошлом. Когда кто-нибудь из близких заговаривал о былом, она обычно говорила так: «Зачем вспоминать? Это перевернутая страница книги». Но двадцатые годы она не забывала и при случае говорила: «Это было в блаженные времена нэпа».

1923 год. Буря революции успокоилась. Гражданская война и продовольственные карточки остались в воспоминаниях. В Сергиеве открылось много частных

магазинов, появилось единое потребительское общество под названием «Смычка». Все вступившие в общество получали членские книжки и могли по ним покупать продукты со скидкой. Расквартированная в Сергиеве Военная электротехническая академия (ВЭТА) имела свой кооператив и прекрасный универмаг. Как грибы росли маленькие лавочки, где продавались обувь, галантерея, сладости и всякая всячина.

На рынке с возов продавались дрова, сено, уголь, овощи. На лотках — масло, молоко, сметана, мясо, ткани, кожа для обуви. Чего только не было в то время в сравнительно небольшом городе Сергиеве!

Многие дома, реквизируемые в начале революции, возвратили бывшим владельцам, в том числе купцам, открывшим вновь магазины и лавки. Однако Хвостовым их дом не вернули, а предложили взять в аренду с выплатой государству незначительной суммы, которую можно было вносить в рассрочку. На каждом доме появилась вывеска, на которой указывались номер дома и владелец. На воротах нашего дома надпись гласила: «Красная ул., 7, арендатор Хвостов».

Выгоды от аренды не было никакой, так как жильцы платили мизерные суммы, которых не хватало даже на текущий ремонт. Тем не менее Хвостовы

И. Селиванов — Миша в квадрате. Иван Сергеевич Раевский (1886-11/12/1920) друг, mentor, умер от сыпного тифа. Смерть 11/12/1920. Смерть 11/12/1920. Смерть 11/12/1920. Смерть 11/12/1920.

Общество забывает, что был 37-й год

Так называлась статья в газете «Известия» от 1 апреля с. г., написанная Львом Разгоном. Она опубликована в день, когда ему исполнилось 90 лет. Старейший современный русский писатель с международной известностью 17 лет провел в сталинских лагерях. Он пишет: «То, что произошло в проклятые годы сталинизма, собственно, было самым страшным преступлением в XX столетии. В нашей стране своими же соотечественниками было убито около 20 миллионов человек. Это был геноцид против собственного народа. И он прошел и остался до сих пор практически незамеченным. (...)»

Люди не хотят вспоминать былое, потому что им некомфортно от этого становится. (...)»

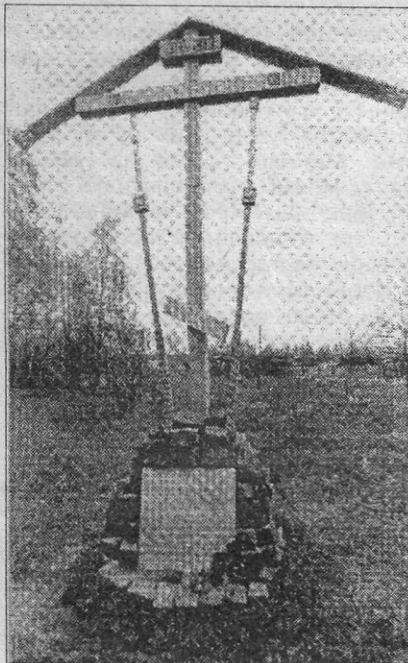
И все же не все забыли 37-й год. В нескольких километрах от Московской кольцевой автодороги к югу от Москвы находится поселок Бутово. С 8 августа 1937 года по 19 октября 1938 года на Бутовском полигоне было расстреляно 20762 человека. Найдены расстрельные списки.

Скульптор Дмитрий Шаховской, сын отца Михаила Шика, расстрелянного в Бутово, поставил там деревянный крест. В прошлом году возведена при его деятельном участии деревянная церковь во имя святых новомучеников и исповедников российских. А на заборе, окружающем ее, помещены доски с именами всех убитых.

Свято-Тихоновский Богословский Институт выпустил 1-й том со сведениями о расстрелянных на Бутовском полигоне людях и еще «Синодик пострадавших за веру и Церковь Христову в Бутово», в котором опубликованы имена 360 священнослужителей и мирян Русской Православной Церкви, убиенных в Бутово. Так стали известны не только даты жизни, но и места служения и ареста большинства из них.

Из «Синодика» я выбрала имена тех, кто служил в Лавре и церквях Сергиево-Посадского района. Их оказалось 40 человек. Издатели «Синодика» обращаются с призывом вознести молитвы о упокоении новоявленных страдальцев Христовых.

Прочитайте внимательно этот список. Может быть, вам встретятся знакомые имена. Сведения о них напечатаны в краеведческий отдел музея-заповедника или позвоните по тел. 4-44-28.



□ Архимандрит Кронид — Любимов Константин Петрович (1858 — 10.12.1937), наместник Троице-Сергиевой Лавры;

□ протоиерей Сергей — Сидоров Сергей Алексеевич (10.02.1895 — 27.09.1937) — Сергиев Посад, церковь Петра и Павла

□ игумен Епифаний — Авдеев Захар Филиппович (1868 — 17.02.1938), Спасо-Торбеевская церковь;

□ игумен Ксенофонт — Бондаренко Константин Андреевич (1886 — 10.12.1937), Троице-Сергиева Лавра;

□ игумен Азарий — Павлов Александр Богданович (1881 — 10.12.1937), Троице-Сергиева Лавра;

□ иеромонах Нестор — Балашов Николай Иванович (1862 — 17.02.1938), г. Загорск;

□ иеромонах Симеон — Григорьев Семен Григорьевич (1868 — 17.02.1938), г. Загорск;

□ иеромонах Иероним — Киселев Иван Васильевич (1873 — 17.02.1938), Загорский район, церковь в селе Стогово;

□ иеромонах Серафим — Крестьянинов Сергей Алексеевич (1875 — 10.12.1937), село Сабурово;

□ иеромонах Нифонт — Мамаев Николай Алексеевич (1872 — 21.02.1938), Загорский район;

□ иеромонах Иаков — Марочкин Иван Петрович (1879 — 10.12.1937), село Озерцево;

□ иеромонах Лаврентий — Насонов Лазарь Петрович (1883 — 10.12.1937), село Мишутино;

□ иеромонах Митрофан — Преображенский Михаил Алексеевич (1879 — 17.02.1938), церковь в селе Подсосино;

□ иеромонах Гедеон — Смирнов Григорий Сергеевич (1880 — 10.12.1937), Троице-Сергиева Лавра;

□ иеромонах Василий — Умнов Василий Абрамович (1874 — 10.03.1937), село Титовское;

□ священник Иоанн — Бобрин Иван Григорьевич (1868 — 13.11.1937), Троице-Сергиева Лавра;

□ священник Иоанн — Садиков Иван Николаевич (1873 — 27.11.1937), село Хомяково;

□ иерей Михаил — Шик Михаил Владимирович (20.07.1887 — 27.09.1937), Сергиев Посад, церковь Петра и Павла;

□ иеродиакон Александр — Введенский Александр Васильевич (1891 — 10.03.1938), село Бужаниново;

□ иеродиакон Афоний — Вишняков Александр Егорович (1870 — 17.02.1938), г. Загорск;

□ диакон Василий — Гаврилов Василий Дмитриевич (1888 — 22.03.1938), Загорский район;

□ монах Петр — Боев Петр Алексеевич (1882 — 17.10.1937), Троице-Сергиева Лавра;

□ монах Евдоким — Демидов Евдоким Ильич (1873 — 16.03.1938), Зосимовский монастырь, Троице-Сергиева Лавра;

□ монах Никодим — Монин Николай Ильич (1876 — 10.12.1937), Троице-Сергиева Лавра;

□ монах Георгий — Потапов Георгий Николаевич (1875 — 10.12.1937), Троице-Сергиева Лавра;

□ монахиня Дарья — Абрамова Дарья Гавриловна (1874 — 10.03.1938), Загорский район;

□ монахиня Татиана — Белова Татьяна Ивановна (1896 — 26.02.1938), Константиновский район;

□ монахиня Лидия — Иванова Лидия Митрофановна (1875 — 17.02.1938), г. Загорск;

□ монахиня София — Тучкова Софья Сергеевна (1874 — 17.02.1938), г. Загорск; (см. «Краеведческий вестник» № 3, март 1998, заметка «Старожилинные сестры»);

□ Фома — Богуцкий Фома Иванович (1869 — 17.02.1938), Загорск;

□ Владимир — Комаровский Владимир Алексеевич (08.10.1879 — 5.11.1937), г. Загорск; (см. «Краеведческий вестник» № 21, июнь 1996, заметка «Дом на Вальной и его обитатели»);

□ Василий — Покровский Василий Васильевич (1875 — 16.11.1937), Константиновский район.

Т. СМЕРНОВА,
ст. научный сотрудник
музея-заповедника.

Лаврская богадельня. В этом здании располагался Детгородок.



ДЕТГОРОДОК ИМЕНИ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА

Детгородок был торжественно открыт зимой 1925 года по решению чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ЧК). Детские дома в то время размещали в бывших барских усадьбах, монастырях, богадельнях. Так новая власть решала вопрос борьбы с детской беспризорностью и сиротством.

В середине 1920-х годов в Сергиеве (так назывался наш город с 1918 по 1930 год) большинство храмов было закрыто, и детям осиротевших железнодорожников было предоставлено помещение бывшей лаврской больницы и богадельни (позднее в этом здании размещалась 3-я горбольница, сейчас это церковь Иоанна Лествичника).

Здание было капитально отремонтировано. И в нем, кроме детского дома, были открыты дошкольная группа и школа-девятилетка.

Вскоре после открытия Детгородка в дошкольную группу начали принимать и «приходящих» — детей с соседних улиц. Одними из первых среди них были и мы

кроватьки в спальнях. И очень вкусные завтраки, обеды и ужины. Летом в хорошую солнечную погоду столики выносили в сад под кедровые деревья — их там росло больше десятка — и завтракали мы на свежем воздухе, да и обедали тоже. На завтрак, кроме хлеба и масла, подавали свежие пышные булочки, которые пеклись тут же, в отдельном флигеле, стоявшем в саду. Там с одной стороны была кухня, а с другой — прачечная.

Летом ходили гулять за Долгомитровскую улицу (ныне ул. Кирова) и даже, помню, из леса приносили много лесных орехов. Зимой катались с горки на санках и самодельных рулетках.

В 1927 году мы перешли в 1-ю группу школы, на второй этаж (в то время были не классы, а груп-

слесарные. Для девочек — швейные, трикотажные. Для желающих — сапожные. Мастерские были оборудованы чудесными верстакми, столярным и слесарным инструментом. В слесарной мастерской каждое рабочее место было выгорожено мелкой сеткой.

В мастерских мы делали санки, скамейки, табуретки. Помнится такой случай: уже во второй группе, расшалившись, один из мальчиков облил чернилами платье соседки. На родительском совете постановили: мальчик делает две табуретки, их продают, покупают материал, из которого шьют девочке новое платье. И вскоре сияющая девочка появилась на занятиях в новом платье.

В школе были бесплатные завтраки. Единственное, что требовалось, — иметь ложку, миску и кружку. Дежурные по графику после завтрака мыли посуду и относили ее в шкаф, в котором для нее была выделена полочка.

Очень нравились праздничные вечера. Все это тогда было в диковинку: и украшенные елочными гирляндами коридоры, и школьный клуб, и кумачевые полотнощица с лозунгами, и, главное, подарки. Их раздавали и в дошкольной, и в младших группах. Особенно запомнились мятные пряники.

Первого мая нас возили на грузовике по городу от здания кинотехникума до Московского переезда и обратно до Детгородка. Каждая такая поездка оставляла неизгладимое впечатление.

В 1930 году Детгородок перевели в Вятку. На его месте была организована игрушечная фабрика, а мы, «приходящие», переведены в разные школы города — школу им. КИМ, школу им. РККА и другие.

Навыки, полученные в столярной, слесарной, переплетной мастерских Детгородка очень пригодились мне в последующей жизни. До сих пор дома я с удовольствием столярничая и слесарничая. Еще ни разу не приходилось пользоваться услугами



1927 год. Дошкольная группа Детгородка.

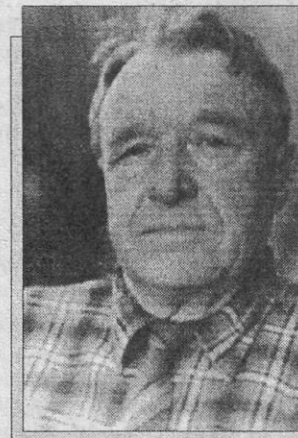
с братишкой. Ему было четыре года, мне шел шестой.

В дошкольной группе нам все очень нравилось: и маленькие белые стульчики, и маленькие столики, и аккуратные маленькие

пы). Началась школьная жизнь. Кроме общеобразовательных уроков, занятия проводились в мастерских, а их было несколько: для младших групп — переплетные, столярные, для старших —

мастеров извне. И в трудовой деятельности я всегда мог не на словах, а на деле показать подчиненным, как выполняется та или иная работа.

А. КАЗАКОВ.



Автор воспоминаний Анатолий Иванович Казаков, окончив в Посаде семилетку, в которой тоже были учебные мастерские, через рабфак поступил в электротехнический институт. Но после первого курса его арестовали — был 1937 год. Получил пять лет колымских лагерей за «контрреволюционную агитацию» (ст. 58-10), попал на лесоповал. Но потом, благодаря тому, что знал слесарное дело, электротехнику, был переведен на автобазу, ремонтировал машины, работал электриком. С Колымы еще 5 лет не отпускали: шла война. А когда вернулся, пришлось жить в Ярославской области: в Загорске не прописывали. Только после смерти Сталина устроился в Загорске. Участвовал в создании завода железобетонных изделий. Окончил вечерний техникум по электрооборудованию промышленных предприятий. Был реабилитирован. И с 1960 года до сего дня работает на ЭЭМЗе. Сейчас он сотрудник энерголаборатории.

Т. СМЕРНОВА.

«Краеведческий вестник» — ежемесячное приложение к газете «Вперед», июль 1998 года.

Редактор выпуска Лидия ГИРЛИНА.

Контактный телефон 4-44-28

Учредители:

Муниципальное учреждение «Газета «Вперед», Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник. Газета зарегистрирована в Московском региональном управлении Комитета РФ по печати. Регистрационное свидетельство № А-5413.